

Х

роника событий такова: 2 мая 1945 года Красная Армия заставила капитулировать главное фашистское логово — рейхстаг, а уже 3 мая в Берлине появилась газета «Правда» с фотографией поверженного нацистского парламента и развевающимся советским стягом над ним. Современных средств передачи изображений на расстояние тогда не было. Доставка за столь короткое время в Москву из Берлина фотографий, а затем доставка в столицу Германии из Москвы свежего номера «Правды» казались нереальными. Следовательно... Следовательно, русские что-то «нахимичили». С той поры в средствах массовой информации, а потом и на безбрежных просторах Интернета множатся различного рода вымыслы по этому поводу.

Среди собратьев по перу немало и отечественных любителей погадать на исторической кофейной гуще. Гадания приводят к тому, что на этой самой гуще все чаще и чаще вырисовывается приобретающий мифологические черты облик автора снимка — фотокорреспондента «Правды» Виктора Антоновича Темина. Резон в этом есть. Виктор Темин действительно человек неординарный. Нам, студентам отделения

журналистики Казанского государственного университета семидесятых годов (ныне Казанский (Приволжский) федеральный университет), много рассказывали о его творчестве, о широком диапазоне личностных качеств и призывали учиться у мастера.

Учиться есть чему. До сих пор диву даюсь: небольшая черно-белая фотография Темина порой вызывает больше эмоций, чем красочное полотно иного именитого художника. Родился Виктор в 1908 году в семье священнослужителя в городе Царевококшайске Казанской губернии (ныне Йошкар-Ола, Республика Марий Эл), с детства увлекся фотографией в провинциальном татарском городке Мензелинске, куда перевели отца, и за короткое время сделал головокружительную карьеру. В 1929 году главная газета республики — «Красная Татария» — поручила Виктору сделать серию фотографий прибывшего в Казань Максима Горького. С заданием он справился великолепно, в качестве презента получив из рук буреви́стика революция фотоаппарат «лейка», служивший верой и правдой Темину не одно десятилетие. А в тридцатых годах он уже покорил Москву, служа фотокором в главной газете страны — в «Правде».

Сейчас какого события прошлого ни коснись — спасения челюскинцев и дрейфа станции «Северный полюс-1», боев на озере Хасан и на реке Халхин-Гол, советско-финского вооруженного конфликта, начала Великой Отечественной войны, ее победоносного завершения и Нюрнбергского трибунала — все они прошли через сердце мастера, все они остались в истории благодаря и его работам. География снимков охватывает 28 стран.

Заметьте: Темин был репортером, «заточенным» на событийную фотографию. Эта специализация требовала особых качеств — энергичности, настойчивости, верткости, способности быстро ориентироваться в самых сложных, иной раз, казалось бы, патовых ситуациях. Не успеешь, не сосредоточишься, не найдешь верного решения — пеняй на себя. События, которые ему приходилось чаще всего запечатлеть, нельзя было ни повернуть вспять, ни отсрочить, ни продублировать. Он заданий не срывал, выполняя их мастерски.

Вот почему многие наши и закордонные прорицатели склонны объяснять «Берлинский казус» неумением Виктора Антоновича: он, мол, из любой ситуации мог выкрутиться. Отсюда «персональные» легенды о фотомастере. Согласно одной из самых ранних, 2 мая 1945 года фотокорреспондент «Правды» Виктор Темин, чтобы доставить в редакцию знаменитый снимок «Знамя Победы над Берлином», угнал личный самолет командующего 1 Белорусским фронтом Георгия Жукова. Разгневанный Жуков будто бы лично звонил редактору «Правды», требуя расстрелять Темина, на что редактор ответил: «К сожалению, товарищ маршал, это невозможно. Только что звонил товарищ Сталин и просил передать вам его благодарности за предоставленный самолет, а фотографа наградить».

С той поры много воды утекло, уже 75-летие Великой Победы всенародно отмечаем, а легенды, одна другой круче, возникают и возникают. По Интернету, например, бродит очерк «Виктор Темин — король фоторепортажа», автор которого относит себя к писателям и журналистам (фамилию называть не буду). Литератор утверждает, что навещал легендарного фотокора на его квартире в Москве и из первых уст услышал правду о знамени, рейхстаге и снимке.

Цитирую. «Ночью, наконец, пришло долгожданное известие: есть наш флаг над рейхстагом! Ночью не сфотографируешь, но и наступившее утро не порадовало: от рвущихся снарядов стоял дым от разрывов. Сплошная пелена! И тогда Темин мчит на полевой аэродром, находит летчика Ивана Вештака, объясняет ситуацию. Надо сказать, был у фотокора волшебный пропуск, подписанный самим Сталиным. Он позволял Темину беспрепятственно бывать на всех фронтах. Авантюрист Темин рас-

Виктор Темин. Знамя Победы над рейхстагом в Берлине

поряжался им по-своему. Он не стал со своей «лейкой» и блокнотом мотаться по столице Третьего рейха... Сначала он «выбил» себе... танк. На «тридцатьчетверке» одним из первых ворвался в Берлин, снимал уличные бои, а потом «завладел» личным самолетом По-2 с летчиком — младшим лейтенантом Иваном Вештаком.

И вот Иван и Виктор летят в сторону рейхстага. Вспышки зенитных снарядов, на земле пулеметная, автоматная стрельба, дым, огонь от горящих зданий и поверженной техники... Рейхстаг! Самолет дрожит от раздающихся рядом разрывов. Успевают только один раз облететь «ощипанную» цитадель. Темину удается целкнуть «лейкой» лишь три раза. А в радию звучит: «Немедленно возвращайтесь! Трибунал!»

«Когда самолет сел, Витюша успел передать подбежавшему авиатехнику кассету с запиской, кому и как передать, чтобы она немедленно была доставлена в Москву, — комментировала Тамара (жена фотомастера. — А.М.). — И тут же их арестовали»...

На что Виктор Антонович усмехнулся, слабо махнул рукой...

Темин попросил меня сесть поближе.

— Только тебе скажу, — полушепотом начал он. — На моем снимке нет знамени. Сам рейхстаг есть, а знамени — нет. Почему — сам не знаю. Скорее всего, мы не с той стороны летели. А может, немцы его сбили...

— Но вот он... флаг, — я указал на большое фото на стене.

— Все так думали. И думают доселе... Дело в том, что в редакции, когда такое увидели, решили — негоже. И художник-ретушер его дорисовал.

— Но ведь Кантария... — не унимался я.

— Халдей снимал его уже после. Это был постановочный снимок...»

Скажу сразу: эти утверждения — выдумка, фейк. Автор демонстрирует один снимок, а в «Правде» 3 мая 1945 года опубликован другой, более достоверный, «с поля боя» и потому менее эффектный. Кроме того, в том же самом номере есть еще две фотографии Темина с места события. Под каждой подпись: доставлено на са-

молетах летчиками В. Лемешкиным, К. Москаленко, И. Вештак. Указано и время съемок — от 3 часов дня до 6 часов вечера 2 мая 1945 года. Не пойму, зачем «писателю и журналисту» потребовалось наводить тень на плетень, да еще устами самого Темина? Правда, литератор оговорился, что фотохудожник приболел, и больше рассказывала его супруга. Она могла что-то, конечно, напутать. Но чтобы так напутать, надо и впрямь быть не в своем уме. А может, все проще? Героев очерка уже давно нет среди нас, а сенсации нужны каждый день. Ну и выводят гусяры от журналистики мелодии, которые придумывают на ходу.

Они небезобидны, как может показаться на первый взгляд. Под аккомпанемент таких вот мелодий на Западе все настойчивее и настойчивее стараются внедрить в общественное сознание мысль о том, будто все, что мы знаем о победе, вымысел. На самом деле решающий вклад в разгром фашистской Германии и ее сателлитов внесли Соединенные Штаты Америки и сегодняшняе их друзья с англо-французским акцентом. Послушать их, так Россия — вместилище всемирного зла, у нее нет и не может быть достойных побед, нет и не может быть своих героев.

Обесценивание победы вымыслами о Темине тоже налицо, потому что все сводится к инициативе действительно талантливого, действительно пронырливого, инициативного фотокорреспондента. Не нашлось бы его, значит, не было бы снимка со Знаменем Победы над рейхстагом в «Правде»? Вы верите, читатель, что так могло случиться? Да ни при каких обстоятельствах! Четыре с лишним года страна ждала этого часа. Сотни дней и ночей наши войска сначала пятились до Сталинграда, а потом, теряя лучших сыновей и дочерей, нащупывали вражескую границу. Несколько лет мы уговаривали союзников открыть второй фронт. Несколько лет мы утверждали: «Наше дело правое, победа будет за нами!» Мы знаем щепетильное отношение Сталина к любому нашему успеху. И вдруг Сталин ни с того ни с сего машет рукой: мол, и без победных фотографий обойдемся?! Полная ерунда.

Вспомним канву событий того времени. Вопрос о победном знамени инициировал лично Сталин за полгода до окончания войны. Выступая 6 ноября 1944 года на торжественном заседании Моссовета, посвященном 27-й годовщине Октябрьской революции, Верховный Главнокомандующий заявил: «Советский народ и Красная Армия успешно осуществляют задачи, вставшие перед ними в ходе Отечественной войны. Красная Армия достаточно выполнила свой патриотический долг и освободила нашу Отчизну от врага. Отныне и навсегда наша земля свободна от гитлеровской нечисти. Теперь за Красной Армией остается ее последняя заключительная миссия: довершить вместе с армиями наших союзников дело разгрома немецко-фашистской армии, добить фашистского зверя в его собственном логове и водрузить над Берлином Знамя Победы».

Сталин не был оригинален. История боевых знамен как символов доблести, чести, мужества уходит в века. Славяне Древней Руси называли их стягами. Это были длинные гладкие шести, на верхушках которых крепились пучки трав или конские гривы — «челки стяговые». Со временем «челки» заменили на заметное издалеко матерчатое полотно яркого цвета, крепившееся ниже навершия — железного копя. Боевые полотнища с изображением священных фигур и символов — языческих, христианских, а потом и советских — вели воинов в сражения, вселяли уверенность в победном их завершении. 8 сентября 1380 года в ходе Куликовской битвы победу Дмитрию Донскому обеспечил засадный полк под знаменами опытных военачальников князя Владимира Андреевича и боярина Дмитрия Боброка. Летописец рассказывает: «Единомысленные же друзья выехали из дубравы зеленой, словно соколы приученные... ударили на великую силу басурманскую. А знамена их направлены крепким воеводою... и начали поганых они немилостиво рубить». Стоит закрыть глаза, вспомнить живописные полотна, ки-

нофильмы о далеком и не очень прошлом, и поплывут перед нами боевые стяги разных форм, цветов и размеров.

Традиции прошлого были приумножены на фронтах Великой Отечественной. Водружение штурмовых флагов зародилось в Красной Армии в ходе наступательных действий при освобождении и взятии населенных пунктов. Название знамени говорило о его назначении — воодушевлять воинов, осаждающих вражеские позиции. Нацисты на штурм со знаменами не ходили. Все фашистские штандарты, брошенные к подножию Мавзолея Ленина во время Парада Победы, были обнаружены в местах их хранения. Сталин, предложив водрузить Знамя Победы в логове врага, лишь логически завершил то, что уже давно закрепилось в войсках. В воспоминаниях некоторых военачальников фигурирует и такой факт: когда у Верховного Главнокомандующего спросили, где водрузить стяг, он указал на рейхстаг. Тоже логичное решение: с поджога рейхстага началось укрепление власти нацистов в Германии, а низложение парламента, падение Берлина становились символами ее конца.

Инициатива Сталина быстро обрела крылья. В начале 1945 года на одной из московских фабрик, используя бархат и позолоченную нить, изготовили специальное знамя — Знамя Победы. Мне довелось увидеть его в Центральном музее Вооруженных сил Российской Федерации. Тонкая работа действительно впечатляет. Полотнище окаймлял красочный орнамент. Вверху надпись: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Под ней орден Победы, а еще ниже и крупнее, в самом центре, Герб СССР, который обрамляют сталинские слова: «Наше дело правое, мы победили».

Но в том же музее хранится и Знамя Победы, которое действительно взметнулось над рейхстагом. Оно напоминает импровизированный, изготовленный в военно-полевых условиях Государственный флаг СССР. Это прикрепленное к древку прямоугольное красное полотнище размером 82 сантиметра на 188 сантиметров из самого обыкновенного материала. На лицевой стороне вверху, у древка, серебряные пятиконечная звезда, серп и молот, нарисованные с помощью трафарета, а на остальной части полотнища надпись белыми буквами в четыре строки: «150 стр. ордена Кутузова II ст. идрицк. див. 79 С.К. 3 У.А. 1 В.Ф.». На обратной стороне полотнища в нижнем углу, у древка, — надпись № 5. Сотрудник музея объяснил, что сокращения вызваны нехваткой места на полотнище и расшифровываются как 150-я стрелковая дивизия ордена Кутузова II степени Идрицкая дивизия 79-го стрелкового корпуса 3-й ударной армии 1-го Белорусского фронта.

Опять загадка. Намечали водрузить на рейхстаге впечатляющее знамя, а водрузили выполненный кустарным способом флаг. Но и тут есть своя логика. Фабричное знамя получилось громоздким и тяжелым. Как его доставить к месту водружения, простреливаемому со всех сторон, как водрузить, каким должен быть ветер, чтобы оно не обвисало, а победно реяло над рейхстагом? Тем более что водружать стяг надо было в ходе боевых действий, в условиях быстро меняющейся оперативной обстановки. Доставлять полотнище в Берлин не имело смысла.

Пришли к выводу: Знамя Победы лучше всего изготовить на месте. Так и поступили. В находившейся на направлении главного удара 3-й ударной армии 1-го Белорусского фронта в соответствии с количеством дивизий в составе армии изготовили девять знамен, пронумеровав каждое из них. Перед наступлением на Берлин от имени Военного совета 3-й ударной армии полотнища были вручены представителям стрелковых дивизий. 150-й стрелковой дивизии генерал-майора Василия Митрофановича Шатилова досталось знамя № 5. Этому знамени и суждено было стать Знаменем Победы.

Подробности боев за Берлин и рейхстаг, водружения над ним знамени опускаю. И написаны о них горы литературы, и очерк посвящен немного другой теме.

Да, в Ставке Верховного Главнокомандования водружению победного знамени над рейхстагом придавали особое значение. А фотокорреспондент Темин помог всему миру лицезреть, как это произошло, после чего нацисты со всей определенностью поняли, что иного пути, чем сдаться на милость победителя, у них нет. Было недвусмысленно продемонстрировано и союзникам, с какой армией, с каким народом имеют дело.

Виктор Антонович готовился к звездному часу страны и личному звездному часу тоже заблаговременно. Еще 1 марта 1945 года он представил главному редактору «Правды» план оперативной доставки снимков «Знамя Победы над Берлином» в Москву, удивляющий предусмотрительностью и обстоятельностью. В момент генерального наступления на Берлин вместе с передовыми частями Темин на одном из атакующих танков врывается в Берлин. Сделав съемку, пересаживается в «Виллис» и добирается до первого полевого аэродрома, где по жесткой предварительной договоренности ожидает самолет «У-2». На кукурузнике Темин попадает на другой аэродром, от которого до Москвы примерно 1800 километров. Отсюда на специальном самолете типа ДБ-3 или ТУ-2, которые могут лететь без посадки и дозаправки 4–5 часов, он следует в Москву. Экипаж должен уметь управлять техникой в любую погоду и ночью. На случай нелетной погоды его необходимо снабдить кислородными приборами, позволяющими летчикам занять высоту 8–10 тысяч метров.

О том, как выполнен план, свидетельствует сам Темин в книге «Журналисты рассказывают», вышедшей еще в 1973 году, поэтому нет необходимости что-либо домысливать. Запечатлеть исторический момент водружения Знамени Победы над рейхстагом в Берлине Виктор Антонович считал делом чести потому, что люто ненавидел фашистов, что, теряя друзей, прошел всю войну. А еще потому, что на его фотографиях гордо реют знамена победы, водруженные нашими войсками в боях с японцами у озера Хасан и реки Халхин-Гол, в Финляндии, на взорванных дотах линии Маннергейма.

В целом все шло по плану. Только не мог Темин предугадать, что нацисты начнут мешать сдаваться тем однополчанам, кто понял бесполезность сопротивления. Когда солдаты, находившиеся в подземельях метро, потребовали капитуляции, фашистские офицеры заперли их и пустили в подземелье воду. По этой причине сражение затянулось, пришлось выбирать из Берлина позже намеченного времени. Вторая неувязка выяснилась лишь в воздухе: по указанию командования в Януве (Польша) предстояла посадка на ночной бомбардировщик, который и должен был приземлиться на подмосковном аэродроме. Это потеря времени. Летчик по радио запросил у командования разрешения лететь в Москву. Ответа не последовало. Темин взял ответственность на себя, дал указание пилоту, не делая остановки в Януве, следовать в столицу. Летчик подчинился.

Дальше лучше процитировать Виктора Антоновича с небольшими купюрами. *«...Каждому летчику для перелета через границу Советского Союза ежедневно давали новый пароль. Так как мне самолет дали только до Янува, летчик пароля не знал. Пришлось с борта самолета дать радиограмму в Ставку Верховного Главнокомандующего о том, что везем важный материал о взятии Берлина и просим о пропуске нашего самолета через границу Советского Союза. Мы надеялись, что приказ зенитным войскам будет дан, пока мы подлетим к границе, но нас взяли в такие шоры, что, как потом выяснилось, наш самолет получил 62 пробоины. Пришлось болтаться в воздухе, ожидая приказа, еще полчаса... На высоте почти трех тысяч метров подлетаем к Наро-Фоминску. Даю последнюю радиограмму: «Настаиваем на посадке на Центральном аэродроме». Получаем сердитый ответ: «Вас посадят, где указано. Если не подчини-*

тень, Московская зона ПВО откроет огонь». И все же разрешили посадку на Центральном аэродроме. 2 часа 38 минут. На аэродроме ждет машина. Через полчаса уже вхожу в кабинет редактора тов. Поспелова. Подхожу к редактору и торжественно говорю: «Снимок Знамя Победы над рейхстагом в Берлине доставлен!» Трудно передать те минуты. Мы, конечно, все взволнованы, радостны. Часы в редакторском кабинете показывают 3 часа 10 минут.

А вскоре я уже держал в руках свежий номер газеты «Правда» от 3 мая 1945 года, в котором были напечатаны приказ Верховного Главнокомандующего о взятии Берлина 2 мая 1945 года и мои снимки: «Знамя Победы над рейхстагом в Берлине», «Митинг танкистов генерала Кривошеина у колонны Победы» и «Пленные немцы через Бранденбургские ворота возвращаются обратно в Берлин».

В 7 часов утра 3 мая мы взяли на борт самолета несколько тысяч свежих экземпляров «Правды». Войцы-победители у стен рейхстага читали «Правду» в тот же день. Известие об этом стало сенсацией. Лондонское радио поспешило сообщить, что на улицах Берлина жители читают русскую «Правду», которая якобы была напечатана в Берлине. 4 мая газета «Таймс» опубликовала мои берлинские снимки, переданные по бильдаппарату из Москвы в Лондон. Наш корреспондент ТАСС из Лондона сообщил: в ранних изданиях «Ньюс хроникл», «Дейли телеграф энд морнинг пост» и других газетах на видном месте первых полос напечатаны мои переданные по бильду из Москвы фотографии.

Я, конечно, понимал, что маршал Жуков, давший мне свой самолет до Януба, очень сердит на меня за самовольный угон самолета в Москву. Но когда редактор Поспелов сказал мне, что Жуков дал приказ расстрелять меня за это, честно признаюсь, я порядком струсил. И все-таки я не мог поступить иначе. Народ должен был видеть наше алое Знамя Победы над поверженной столицей врага. Доставка снимка в редакцию была моим журналистским долгом, делом чести. Снимок должен был быть опубликован в день приказа о взятии Берлина! Только так, чего бы это мне ни стоило.

Когда я 3 мая летел в Берлин с газетами на борту, я решил обьясниться с Жуковым. Я опасался одного: что арестуют меня раньше, чем я сумею с ним поговорить. Но Жуков принял меня. Я прошел прямо к столу, за которым он сидел, и положил перед ним газету «Правда» за 3 мая 1945 года с моими снимками. «Чтобы вовремя доставить редакции эти снимки, — начал я обьяснять, — мне пришлось нарушить ваш приказ, товарищ маршал». Жуков взял газету, быстро просмотрел ее. Его нахмуренное лицо прояснилось. «За свою работу ты достоин звания Героя, — сказал он, — но за то, что угнал самолет..., — Жуков помолчал, посмотрел на меня и, безнадежно махнув рукой, улыбнулся и добавил, — получишь орден Красной Звезды».

Такова действительная разгадка «русского чуда», эхо которой находит отражение в домыслах и легендах. Возможно, кое-что у читателей вызовет сомнение. Например, мог ли «обыкновенный» рядовой фотокорреспондент перечить самому маршалу Жукову? Мог. Внимательно просмотрев работы Темина, вы обязательно обнаружите на них Георгия Константиновича еще со времен боев с японцами на озере Хасан и реке Халхин-Гол. Между Жуковым и Теминым сложились добрые отношения, поддерживаемые не за счет Отечества, не в ущерб ему, а во славу его. Потому маршал мог простить Темину некоторые вольности, а Темин — легко пойти на них.

Он и впрямь был личностью в хорошем смысле изворотливой, неугомонной. Именно поэтому Виктору Антоновичу удалось запечатлеть подписание на линкоре «Миссури» Акта безоговорочной капитуляции Японии. Фоторабота классная, что называется, на все времена. Освещать знаковое событие, состоявшееся 2 сен-

тября 1945 года, прибыло около 200 корреспондентов из различных стран мира. Всем указали места для съемок. Советских журналистов поставили метрах в 70 от стола, где будет подписываться капитуляция.

Темин пришел в отчаянии. Телеобъектива у него не было. А это значит, что съемка обречена на провал. Многие наши журналисты выражали неудовольствие такой точкой, но продолжали оставаться на местах. Фотомастер пришел в ужас: если он не сфотографирует капитуляцию, газеты вынуждены будут печатать снимки английских или американских агентств. Этого нельзя было допустить. Надо было искать выход. Чтобы добраться до стола, где лучшая точка, нужно пройти три цепи охраны американских солдат. Что делает Темин? Подойдя вплотную к молодому парню из охраны первой цепи, он решительно протянул янки зажатую в руке банку черной икры. Тот улыбнулся и сказал: «О'кей», затем негромко окликнул товарища из второго кольца оцепления, показал банку и кивнул в сторону нашего искателя приключений — «О'кей».

Лучшее место для съемки занимали корреспондент и кинооператор одного из американских агентств. Для них у борта была сделана специальная площадка. Темин сразу оценил место и поднялся на площадку. Вновь процитирую воспоминания самого участника событий. «Сначала меня встретили недоброжелательно, но скоро мы уже хлопали друг друга по плечам, как старые друзья. Этому способствовал запас в моих карманах и сумке банок с черной икрой и московской водки, часть которых я тут же выложил, предложив распить за нашу победу после съемки, что и было с восторгом принято. Нашу оживленную беседу прервали два американских офицера: «Прошу вас удалиться на места, отведенные советским журналистам... Это место закуплено американскими агентствами, они уплатили 10 000 долларов, и если вы немедленно не уберетесь отсюда, то будете выброшены охраной за борт...». Я был возмущен, что делать? В это время к столу, где будет подписываться капитуляция, мимо меня прошли представители союзных стран. Я увидел, что на борт поднимается делегация Советского Союза, которую возглавляет прекрасно знающий меня генерал-лейтенант Кузьма Николаевич Деревянко. Я прорываюсь сквозь цепь охраны и бегу ему навстречу. Пристраиваюсь и, шагая рядом, шепчу: «Мне не дают места для съемки...». Деревянко, не оборачиваясь, тихо говорит: «Следуйте за мной». И я шагаю по палубе с делегацией Советского Союза. Офицеры идут сзади, не упуская меня из виду. Навстречу Деревянко выходит глава американской делегации Макартур. Деревянко представляет советскую делегацию.

— А это — специальный фотограф Сталина Виктор Темин, — говорит Деревянко. — Где вы хотите стать для съемки? — обращается он ко мне.

— Здесь, — уверенно говорю я и показываю на площадку, где расположились американские коллеги.

— Надеюсь, вы не возражаете? — обращается Деревянко к Макартуру.

— О'кей! — отвечает тот и взмахом руки как бы отсекает от меня следующих по пятам за мной двух офицеров. Я смотрю на них торжествующе, они отдают честь и уходят. А я забираюсь на подмостки и становлюсь напротив стола, где будет подписываться капитуляция. Я доволен: у меня всем точкам точка.

Никому из наших корреспондентов, как я и предполагал, снять это событие с той точки, где их поставили, к сожалению, не удалось. Николай Петров снимал с помощью телеобъектива, но остался недоволен снимком. Мой снимок напечатала «Правда». Редколлегия отметила мою находчивость, оперативность. Правительство наградило орденом Красной Звезды. Снимок хвалили мои коллеги. Я радовался, потому что это был последний снимок войны».

Пишу о Темине, удостоенном нескольких боевых орденов и медалей, звания «Заслуженный работник культуры РСФСР», конечно, потому, что симпатизирую этому выдающемуся фотомастеру. Не хотелось бы, чтобы доброе имя фотохудожника заслонил очередной рой легенд и домыслов, чтобы впредь кто-то имел основание небрежно бросить: «Ах, это тот, кого чуть не расстрелял Жуков?»

А вторая причина в том, что редко, очень редко мы вспоминаем о большой когорте военных журналистов и публицистов, среди которых были и Константин Симонов, и Михаил Шолохов, и Алексей Толстой, и Илья Эренбург, и многие другие непревзойденные литераторы, кинооператоры, фотомастера, мастера сочного очерка и живой, яркой корреспонденции. Это о них написанная на слова Константина Симонова песня:

От Москвы до Бреста
Нет такого места,
Где бы ни скитались мы в пыли,
С «лейкой» и с блокнотом,
А то и с пулеметом
Сквозь огонь и стужу мы прошли.

Это в их честь в Москве, перед входом в Центральный дом журналиста на Никитском бульваре, установлен памятник фронтовым корреспондентам, который буквально утопает в живых цветах.

Памятник в честь людей, которые не начинают войны. Но без последнего снимка, последней корреспонденции которых эти войны завершиться не могут.